

• ПРОСТО ФАНТАСТИКА •

Тульшат Абдеева

ШКАТУЛКА ШУЛЬГАНА

Просто фантастика (ДетЛит)

Гульшат Абдеева
Шкатулка Шульгана

Издательство «Детская литература»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Абдеева Г. Г.

Шкатулка Шульгана / Г. Г. Абдеева — Издательство «Детская литература», 2026 — (Просто фантастика (ДетЛит))

ISBN 978-5-08-007602-2

Гульшат тринадцать лет. Она живет в Башкирии, окруженная любовью родных. Но вдруг начинает происходить непонятное: она замечает, что в их деревне куда-то пропали все дедушки и бабушки! Девочка бьет тревогу, но ей почему-то никто не верит, а ведь все происходящее – не просто так, кто-то точно стоит за всем! Почему? Да просто потому, что ее бабушка оставила девочке знаки-подсказки. И действительно, выясняется – пропавшие в заложниках в подземном мире и, чтобы спасти их, нужно попасть туда, выжить, победить сумасшедшую ведьму. Впрочем, миссия почти проваливается еще на первом этапе. Хорошо, что у Гульшат появляется новый друг, способный ходить между мирами и помочь. Но сначала им нужно спастись самим, ведь на них объявили охоту. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007602-2

© Абдеева Г. Г., 2026
© Издательство «Детская литература», 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	24
Глава шестая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гульшат Абдеева

Шкатулка Шульгана

*Посвящается лучшей в мире бабушке – Янбаевой Ляле
Имаметдиновне и лучшему дедушке – Янбаеву Аглям Агзамовичу.
Спасибо за волшебные мгновения детства!*

© Абдеева Г. Г., 2026

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2026

Глава первая

Зеленая свинья в юбке

– Возьми, кызым¹! Вот афарин², – попросила бабушка, протягивая мне полную чашку чая с молоком.

Я осторожно взялась за ручку, передала напиток дедушке. Он забрал его, не отрываясь от газеты, – когда приносят почту, пока не дочитает все, не отложит. Мама фыркнула, глядя на него, а потом начала пересчитывать фантики возле моего блюда. Я пыталась незаметно пододвигать их к папиной огромной кружке, но он не поддавался, пихал их обратно. И все это, почти не отвлекаясь от пятого бутерброда с колбасой. Обычный семейный завтрак, ничего нового.

– Ай! – Бабушка не закрыла вовремя краник самовара, и кипяток перелился из чашки ей на пальцы.

Она встала, подошла к окну, сорвала листочек герани и приложила к покрасневшей коже. Та порозовела моментально. Я улыбнулась и потянулась к новой конфете. Мама хмыкнула, но остановить меня не успела. В дверь стукнули, заскреблись. Все вытянули шеи.

– Заходите! – крикнула бабушка.

На пороге появилась Лена, соседка и одноклассница:

– Инфузия всех в школе собирает!

– Зачем? Каникулы же, – удивилась я.

Лена пожалала плечами и убежала. Я сняла фантик с новой «Маски», засунула шоколадку в рот и чуть не подавилась чаем, пока запивала. Это все из-за Инфузии, она приносит мне неудачи. Вообще, Инфузия Гусеевна, наш школьный психолог и культорг. Она с первого класса меня ненавидит, с той самой линейки, на которой я громко спросила у бабушки:

– Почему у нее руки зеленые? И зубы как у вампирши, смотри!

Инфузия делала «химку», носила ярко-синие костюмы (и носовые платки в тон!) и постоянно пудрилась. У меня на ее пудру аллергия, а чихаю я, как папа, – аж стекла звенят. Инфузия кажется мне вампиром с острыми зубками и болотной кожей, бр-р! Но идти в школу надо, чтобы узнать, в чем дело.

Я вышла за ворота, прищурилась от солнца. Повезло, что живем на окраине Имангулово: через дорогу нет домов, там луг и речка и вдалеке улица Речная. А еще дальше и выше – большущая гора Исмагил-тау, по ее краешку тянется лес, как поезд. Там такие грибы! Большие белые грузди, которые на сковородке с маслом – объедение!

Я оглянулась на наш дом. Он у нас желтый с синими ставнями и большими синими воротами. Палисадник в ромашках, незабудках и тигровых лилиях. А во дворе черемуха как шатер, кустики шиповника тут и там, бревенчатая баня, гараж, дровяник... Там постоянно дедушка что-нибудь делает, иногда и меня учит: как гвозди ровно забивать или замок взломать, если сквозняк захлопнул. А бабушка обычно на кухне или в саду. Она у меня маленькая, круглая, носит цветные вязаные жилетки, а волосы скручивает в пучок. Мы похожи, особенно волосами, у меня тоже длинные и черные. Только у меня отросшая челка красного цвета, еле уговорила своих разрешить покрасить.

До школы пять минут бегом: по Центральной улице, потом через переулок на Школьную. Главное здание в один этаж, зато дли-и-инное. Окна в голубых рамах, крылечко посередине. От него асфальтовая дорожка, а справа и слева клумбы, там летом приходится отрабатывать

¹ Кызым – доченька (башк.).

² Афарин – молодец (башк.).

практику, терпеть это не могу. Справа за школой стадион, а слева двухэтажное здание, раньше там был интернат, а теперь садик.

У школьного крыльца толпились одноклассники в шортах, кедах и майках. Лена помахала мне, ее глаза при этом странно косили в сторону. Когда я посмотрела туда, то внутри все склеилось, будто воздух разом исчез из легких. «Только не красней, только не красней». Я на ватных ногах подошла к Лене. Та громко рассмеялась.

– Ты чего? – шепотом спросила я.

В ответ Лена засмеялась еще громче, но тот, на кого смотрели все девчонки, не обратил внимания. За клумбой с розами хмуро стояли старшекласники. И среди них – новенький, я слышала о нем от девчонок, но еще ни разу не видела, он всего пару дней успел проучиться в конце года. Имя у него очень странное – Мерген. Высокий, темные волосы выются, а ресницы... ну почему у парней ресницы всегда лучше?! И одет совсем не как остальные: черные джинсы, байкеры (я мечтаю о таких ботинках!), толстовка, а в ухе серьга! Как из модного журнала.

В кои-то веки Инфузия Гусеевна зашипела не на меня, когда вышла на крыльцо. Ее глаза сузились, нос стал острее, губы сплющились в тоненькую полоску:

– Фу-ты ну-ты! – процедила она сквозь зубы. Потом всплеснула руками и пропела медовым голосом: – Дети!

«Дети» при этом поморщились.

– Нам выделили билеты в цирк! Депутат Косолапкин постарался! Ехать нужно сегодня! Все не смогут, но всех мы и не соберем. А есть целых двадцать четыре билета, как раз под наш пазик! – Инфузия Гусеевна посмотрела на часики на запястье: – Так вышло, времени совсем нет! Билеты бес-плат-ны-е!

Школьники зашумели. Цирк – это для малышей, тем более разве в соседний городок приедет кто-то нормальный?

– Вот бы это был Цирк дю Солей, – мечтательно протянула Лена.

Я хмыкнула так громко, что привлекла внимание новенького. Он поизучал меня распахнутыми карими глазами мгновение, другое. Отвернулся. Я все-таки покраснела. Мы, средние классы, были невидимками для старших, детским садом. Лена прищурилась, надула губы. Но мне было не до того: я всеми силами вспоминала бабушкин заговор про дороги. Их можно запутать, когда не хочется ехать куда-то. Сегодня выходной у родителей, мы собирались на озеро. Но говорить об этом бесполезно, Инфузия считает, что поездки на природу – пустая трата времени. Сейчас она стремительно достала из кармана пудреницу – пуф-пуф, – и стоящий рядом одноклассник Артур закашлялся. Глядя поверх наших голов, Инфузия Гусеевна стальным голосом добавила:

– Кто не поддержит общественную инициативу Косолапкина, будет отработывать на пришкольном участке дополнительно десять дней!

– О-о-о-о... – был хоровой ответ.

Пришлось идти домой переодеваться. Бабушка грустно стояла у кухонного окна: герань поникла, а у бегонии осыпались цветы. Обычно бабушкина древомагия не подводила. Может, возраст? Вообще, бабушка и дедушка у меня активные, у них свой эко-кружок для местных пенсионеров. Еще они проводят всякие ярмарки в деревенском клубе, организуют сабантуи. Сабантуй – это такой праздник, когда в начале лета за горой Исмагил-тау все собираются, едят суп, стреляют из лука и поют песни.

Но чаще бабушка с дедушкой то в лесу, то в поле со своими друзьями. Раньше я как хвостик за ними ходила, особенно если кружок собирался у моего любимого дерева в роще за деревней. У него ветки симметричные, листья серебристые, а на верхушке ягода, никак не достать. Я думаю, этот их кружок – просто прикрытие, чтобы спокойно заниматься древомагией. Бабушки и дедушки у нас такое умеют... Царапины заживляют за пару секунд, картошку без удобрений выращивают размером с манго и еще много чего. Удачу привлекают или друзей

мирят. Мои родители в это не верят. Они по уши в своей науке, целыми днями пропадают в институте! Утром уезжают к восьми, а вечером не дожدهшься. Мы с бабушкой ужин давно сварим и слушаем – не шуршат ли шины на подъездной дорожке.

Сейчас бабушка словно почувствовала спиной взгляд. Повернулась быстро и непонятно сказала:

– А если нужно будет, то подсказка между синим и фиолетовым!

Я вскинула брови:

– Что-о-о?

– А, так... – Бабушка отвернулась. – Мысли тяжкие мучают. Наверное, погода меняется.

Я подошла, положила ладонь на спину в жилетке:

– Может, в аптеку? Мне как раз в город ехать, я только посмотрю на бедных медведей в юбках и вернусь. Хорошо?

Но я ошиблась, медведей не было. Была свинья! Да еще и зеленого цвета. Никто из одноклассников не смог уговорить бабушек и дедушек потратить древомагию на поломку автобуса, и поэтому все двадцать четыре места в нем были заняты. На заднем сиденье маячил новенький. Я вздохнула, протиснулась в средний ряд, ближе к Лене. Тряслись полчаса до города, там поплутали на пути к Дому культуры, где над входом висела огромная растяжка: «Цирк будущего!»

– Это как? – подозрительно спросила я, когда мы выстроились у входа.

– Увидите! – отрезала Инфузия Гусеевна, как обычно едва раскрывая рот. – А теперь отключаем телефоны! Не хочу, чтобы вы опозорили меня перед артистами и вели себя как шайтаны.

Как шайтаны? Что? Ну и странная она порой! Инфузия потянулась к карману пиджака, где лежала пудреница. Я в сотый раз подумала: как же психологине удастся верещать на учеников, почти не разжимая губ? Как-то прочла в Интернете, что есть такое искусство, как вентрология, очень похоже. Инфузия не поленилась проверить телефон каждого!

Одноклассник Артур подошел к клумбе, по краю которой росла мята. Натер пальцы.

– Не смей! – Инфузия Гусеевна сверкнула глазами.

Все знали, что она терпеть не может цветы и вообще растения. Все, что с ними связано. Как представление цирка терпеть будет, непонятно: в нашем Доме культуры всюду цветы, говорят, директор на них повернутый. Я закатила глаза, и, конечно, Инфузия заметила. Теперь мне достанется самое плохое место, даже не сомневаюсь...

Именно к моему креслу сорок минут спустя, когда шоу началось с большим опозданием, подлетела зеленая свинья. Точнее, свинка. Она сидела на вытянутой руке акробатки, которая вертелась на закрепленных под потолком тросах. Свинка хрюкала, делая очередной виток, смотреть было тошно. А еще музыка била по ушам и геранью пахло так, что голова болела. Инфузия Гусеевна сидела довольная, через ряд от меня. Я пригляделась – из носа у нее торчали клочки ваты.

Вместе с отвращением в душе росла тревога. Морщинка на лбу бабушки, пролитый утром кипяток, рассеянность, волосы растрепанные. Это так непохоже на нее... А еще эта непонятная фраза про синий и фиолетовый! Чтобы успокоиться, я незаметно включила телефон и набрала сообщение в мессенджере, но бабушка не прочитала. Обычно у нее телефон при себе, в кармане жилетки. Мы с ней постоянно переписываемся.

Зато мама ответила быстро: «Мы по делам в институт, раз уж ты уехала, все хорошо, не волнуйся, отдыхай!» Дедушке было не написать: у него телефон кнопочный, а СМС он не читает. Я решила, что позвоню бабушке, как только начнется антракт. А пока приходилось тарашиться на свинью, которая, казалось, совсем не боится высоты. Новый виток и – «хрю!» – прямо мне в лицо! Лена смеялась радостно, но новенький, сидящий перед ней, так ни разу и не повернулся. Не отрываясь, следил за представлением.

Лена хихикала. Я набирала сообщения. Свинка крутилась и хрюкала.

«Хрюк!» – сообщение не доставлено.

«Хрюк!!» – сообщение не доставлено.

«Хрюк!!»

Я наклонилась, приложила к уху телефон. Попыталась расслышать гудки через гремящую музыку, но тщетно. Свинья делала очередной виток прямо надо мной, и тут звуки резко стихли, свет погас – в здании отрубили электричество! От неожиданности акробатка взвизгнула и выпустила свинью. Та взвизгнула еще громче и полетела прямо на меня! Последнее, что я успела услышать, это: «Абонент временно недоступен», а потом увидела растущий свиной пяточок.

Шмяк! – в меня как будто пушечное ядро врезалось. Только живое и визжащее. Все повскакали с мест, начался шум, дети верещали громче свиньи, а я пыталась понять, живая или нет. Повсюду загорелись фонарики телефонов. По проходу спешил кто-то из сотрудников цирка, одноклассники смеялись, Лена щелкала камерой. Но снять толком ничего не успела: новенький стремительно перешагнул ряды кресел, снял с меня бедное животное, выкрашенное в изумрудный цвет, да еще в розовой пачке.

– Дышать можешь?

Я кивнула. В мерцающем свете фонариков мне показалось, что зубы у него острые-острые. Надо поменьше смотреть «Дневники вампира»...

Потом была скорая, мама и папа примчались за десять минут (их институт был неподалеку), больница, где я кое-как отказалась от того, чтобы остаться на ночь.

– Да все со мной в порядке! – пришлось повторить раз сто.

Когда шок прошел, оказалось, что от столкновения со свиньей осталась всего пара синяков. Если бы она была выше, то не избежать мне сотрясения мозга. Свинке повезло больше: местные защитники животных подняли шум и отняли ее у циркачей.

– Мы давно хотели отказаться от этой программы. – Бледный организатор выступления вытирал пот на камеру городского телевидения. – Цирки с животными – это вчерашний день!

Домой, домой, домой! Когда я села наконец в папину машину, мне стало легче. Вот-вот увижу бабушку, поговорю с ней и попрошу объяснить, о чем она бормотала днем. Родители тоже не знали, куда она делась.

Ехали уже в сумерках, на Центральной улице Имангулово горели фонари. Тот, что перед нашим домом, – тоже. Только в окнах не горел свет. Странно. Я выскочила из машины, едва папа успел нажать на тормоз, подлетела к воротам. Оттуда к крыльцу, к двери. Уставилась на черный навесной замок, который был ненамного меня младше. Предыдущий я утопила почти девять лет назад, хотела отправить в плавание по речке (его так и не нашли в иле). Больше замок в руки мне не давали, а потом я выросла.

Лучше бы я и этот черный утопила! Лишь бы не мучиться от неизвестности.

Куда делись бабушка и дедушка?

Глава вторая

Тайна оол

– Ага, щас! – Я хмыкнула, откинула косу за спину и принялась шумно, с дзыньками и бульками помешивать остывший чай.

Утро только началось, но день уже обещал быть плохим. От бабушки и дедушки не было никаких вестей, а маме и папе хоть бы хны! «К родственникам поехали, там Сети нет», – вот и весь разговор.

На очередную просьбу папы расслабиться и заняться чем-то я снова рассердилась:

– Ага, щас! А почему они вещи не взяли?

– Ну почему ты так решила? – Мама сидела рядом за кухонным столом и чертила что-то в блокноте. – Ты их шкаф проверяла, что ли? Они же взрослые люди! Бабушка твоя давно собиралась к тете Виле, ждала попутку, ты же знаешь, она боится такси. Скоро вернутся, они написали.

– Покажи. – Я протянула руку.

– На! – Мамин телефон в красном чехле с луковичками лег в мою ладонь.

Так-так, мессенджер. И?..

– Мам, ну у тебя же нет ее номера, тут нет ба... А-а-а-а...

Мама улыбнулась:

– Мне-то она мама, а не бабушка!

«Попутка подвернулась, решили ехать. Не теряйте! Сто лет не видела Вилю!»

И все, ни словечка больше. Я вздохнула, положила телефон на стол. Как они сорвались в такую дальнюю поездку, ничего не сказав? Я спрятала пальцы в задние карманы джинсов и принялась раскачиваться с пятки на носок и обратно.

В форточку залетел сквозняк, выдул кружевную занавеску на улицу. Я подошла, чтобы поправить ее, и услышала крики со стороны реки. Кандыбулак течет совсем рядом, там часто собираются поиграть друзья. Но сейчас дело явно шло к драке. Я нахмурилась, вышла за дверь. Сени, крылечко, дорожка до ворот, скри-и-ип – и сразу простор. Под ногами хрустел гравий, по сторонам росли подорожник, аптечная ромашка и целыми пучками – луговая герань. Из ее лепестков удобно делать накладные ногти, острые и фиолетовые. Но сейчас не до того, нужно поскорее перебежать асфальт и спуститься на луг. Мимо корзинок тысячелистника – к компании, спорящей на берегу. У берега лежала шина от самосвала, внутри нее всегда вода и в глубине сумрак. Там приятно сидеть в жару и придумывать сказки. Сейчас на краю шины стояла Лена и обиженно кричала Артуру, сидящему на кочке возле воды:

– Я победила! Я первая прибежала. А ты вечно жульничаешь.

Артур молчал, но по лицу у него шли красные пятна, и я знала – не к добру. Если вывести из себя самого спокойного человека, может случиться буря. Небольшая такая, но с последствиями. Вместо Артура кричала София с соседней улицы:

– Это ты вечно фигню придумываешь, все мы честно играли! Просто ваша команда проиграла, и всё.

– Во что играли? – осторожно спросила я.

– В Селёдкину дачу! – обрадовалась поддержке Лена.

– А древомагию пробовали, чтобы помириться?

Ребята удивленно замолкли. Как это не пришло им в голову? Ведь стоит попросить кого-то из взрослых (из настоящих взрослых: бабушек и дедушек) придумать новый заговор, и все тут же помирятся. Иногда у детей тоже получалось, но для этой древо-магии нужны были одуванчики, а тут, как назло, – ни одного.

– Мои в санаторий уехали. – Лена устало опустила на шину и свесила ноги внутрь. – Горящая путевка!

– Мои в Магнитку зачем-то, мама говорит, бесплатное медобследование. Хоть бы позвали, я бы с ними лучше поехал!

Рукам стало холодно, я посмотрела на них – они посерели, как старый пломбир в морозильнике. Кажется, с лицом то же самое:

– А у кого бабушка дома или дедушка?

Вот так и выяснилось, что все срочно уехали, весь бабушкин экокружок. Вчера. По важным делам. Исчезли. Последнее я вслух говорить не стала, но Артур прочитал это по губам.

– Это странно, правда? – нервно улыбнулся он. – Как будто они в подземный мир провалились.

– Куда? – пискнул Роберт.

Он переехал недавно и еще не знал всех местных сказок. Я машинально ответила:

– Подземный мир с чудовищами и дивами. Они только и ждут, чтобы сожрать кого-то, и, говорят, иногда вылезают к нам и воруют людей.

– Ага, – усмехнулся Артур, – удобно вылезают, после заката, как раз когда взрослым надо, чтобы мы дома сидели, а не костры жгли на пруду.

– Ай!

Все удивленно посмотрели на меня. В кармане я наткнулась на что-то острое – это была бабушкина шпилька. Они иногда выпадали из ее пучка, и я собирала их во дворе или дома и складывала на тумбочку у бабушкиной кровати. Черная ребристая шпилька напомнила кое о чем.

– Увидимся позже. – Я зашагала в сторону дороги, а по ней в центр деревни, к белому двухэтажному зданию.

Там, в местном клубе рядом с аллеей, где памятник солдату, и администрацией (здание поменьше, но зато с красивым балконом), располагались кружки. Танцевальный, художественный, технический и бабушкин экокружок.

Трещали кузнечики, у ворот домов сонно квохтали куры, утомленно лежали гуси, которые еще не добрались до речки. Ряды домов тянулись справа и слева: наличники резные, но на окнах почти у всех белые стеклопакеты. Ворота чаще металлические, чем деревянные, и почти у каждой калитки виднелась спутниковая тарелка. А палисадники у всех были одинаковые – в зарослях цветов.

Те, что выращены из заговоренных семян, видны сразу: ромашки с крышку от кастрюли, маки полощут на ветру лепестками величиной с носовой платок. Мамы и папы не замечают – это свойство древомагии: кому не хватает сил в нее верить, не видят ничегошеньки. Но любой ребенок отличит древомагию на раз-два, это очень легко. Древомагия чувствуется в морщинистых пальцах, которые гладят тебя по макушке. В дыхании, когда знакомый голос шепчет утешение и царапины на коленках начинают таять на глазах. А еще в блюде с семенами тыквы, что прорастают за четверть часа. Кто-то думает, что это «просто любовь», но на самом деле – это самая сильная древомагия в мире!

У здания клуба лежали козы – в черных, белых и серых шубках. Они подозрительно покоились на меня горизонтальными зрачками (бр-р!), но с места не сдвинулись. Стараясь не привлекать ничье внимание, я прошла к крылечку клуба. Высокие, выкрашенные в белый двери качнулись, одна створка отошла со скрипом. И на меня сразу опустился сумрак и прохлада. Окна в коридоре клуба были занавешены. Потолок высоченный, на нем тяжелые люстры. Направо и налево убегают узкие коридорчики, и по сторонам – двери, двери, двери. А двустворчатые прямо напротив служили входом в зал со сценой, где стояли скрипучие кресла с откидными сиденьями и пылились бумажные цветы на портьерах.

Тишина. Я крадучись пошла направо, там в конце коридора фанерная дверка вела в помещение эко-кружка. Заперто. Как жаль, что без взрослых не получить ключа! Я с досады поддела дверь ногой, сложила на груди руки, огляделась. А что, если?.. Маленькая черная шпилька пролезла в замок и тут же застряла.

– Черт!

Кое-как вытащила ее обратно, сплющила пальцами выступающие концы и снова засунула их в замок. Что-то внутри неохотно задвигалось. Замок на двери был простенький, и первый штифт поддался быстро, за ним второй, третий. Шпилька вошла внутрь почти на всю длину, и я принялась аккуратно проворачивать ее в стороны. Почти получилось! И тут:

– Мириам? – Бас сторожа разошелся эхом по холлу клуба.

Я задергала шпильку, дверь поддалась, и мне удалось скользнуть внутрь раньше, чем сторож заглянул в коридор. Сердце билось неровными толчками, над губой появилась испарина. Я плавно прикрыла дверь и, не дыша, повернула черную ручку. Обернулась. В комнатке царил полумрак из-за опущенных штор. Сладковато пахло пылью и духами «Ландыш». Справа и слева темнели шкафчики, у окна напротив двери столпились разномастные стулья, а в центре помещения стоял большой прямоугольный стол, заваленный бумагами, ручками. Слева от двери белели клавиши пианино, которые я любила тайком нажимать, когда приходила к бабушке после садика. Над ним фотографии и афиши, в центре висело самое большое фото: я и бабушка на прошлогодней линейке первого сентября.

Среди вырванных из блокнота листков, тетрадей и журнальных вырезок я раскопала на столе отпечатанную на принтере программку «Будущее в настоящем: защитим леса!». Это была ежегодная конференция в институте мамы и папы, к которой экоклубок готовился полгода. Плакаты рисовали, готовили доклады... Оставалось всего шесть дней, и бабушка внезапно куда-то уехала? Я боковым зрением поймала чей-то взгляд, вздрогнула. Фух! Всего лишь зеркало, старое, в большой овальной раме, совсем забыла о нем. Вся его поверхность была в черных трещинках и мушках. Как всегда, висело оно криво, я подошла, чтобы поправить. Собственное лицо показалось мне чужим: волосы черные, а лицо белоебелое, и глаза слишком большие. А тут еще коза за окном: «М-м-е-е-е-е!»

– Чтоб тебя! – подпрыгнула я и шумно выдохнула.

Взялась за рамку зеркала, но оно никак не хотело висеть ровно. В конце концов я нащупала за ним утолщение. Хм. Сняла раму, аккуратно положила зеркало на стол стеклом вниз и обнаружила ключ, приклеенный скотчем. Маленький, плоский, с буквой «Ш» на резной головке.

Я погладила ключик, под ним зашуршала бумага. Обернувшись на дверь, аккуратно отклеила находку и развернула листок под ней. На нем было всегда два слова: «Шкатулка Шульгана», рядом кто-то пририсовал семь треугольников. А, нет, сзади еще было слово «наклаусылар», то есть «защитники». Ничего не понимая, пристально вгляделась в буквы и снова подпрыгнула от громкого «ме-е-е-е-е!».

Да что такое, почему эта коза как будто над ухом кричит? Я шагнула к окну, осторожно отодвинула штору и чуть не получила створкой окна по носу! Кто-то оставил его нараспашку. А еще... На подоконнике чернел отчетливый след, на карнизе снаружи виднелись комья земли. Внизу была клумба, и ее поливали в такую жару каждое утро, если пройти по ней, следов не избежать. У меня даже язык замерз от страха, и ноги стали как ватные от осознания – кто-то вломился сюда раньше меня! Теперь это стало очевидно: крышка пианино поднята, бумаги в беспорядке, такого у бабушки не было!

Я запихнула поглубже в карман джинсов ключик, листок и, подтянувшись на руках, выглянула наружу. Выходить через дверь было небезопасно. А если вор что-то украл и теперь всё свалит на меня? Я быстро повесила зеркало на место, и оно встало ровно, как по линейке. Оглядела еще раз комнату и забралась на подоконник, отодвинув тяжелую штору. А окно, ока-

зывается, высоко! Я быстро выглянула, потом опустила ноги наружу и скользнула вниз. Забравшаяся в клумбу коза сиганула в сторону. Ай! Карниз больно оцарапал оголившуюся поясницу, а еще джинсы теперь в грязи! И кеды угодили ровнехонько в мокрую клумбу. Некогда! В пару прыжков я добралась до заборчика, перемахнула его и быстро пошла к деревенскому пруду. Только бы никто не заметил, только бы никто не заметил...

Похоже, запас удачи у меня кончился: я тут же наткнулась на знакомых. У пологого спуска, где купались местные, слышались голоса. Один, высокий, то и дело рассыпался на хи-хи-хи, а второй, низкий и ровный, раздавался куда реже.

Я начала искать под ногами клевер, он призывает древомагию на удачу. Но, как назло, кругом не было ни одного цветочка.

– О, Гульшат! – фальшиво обрадовалась Лена.

Мой взгляд скользнул на новенького, сидящего у воды. На его черную толстовку (это в жару!), джинсы, байкеры – с налипшей грязью, как будто в них только что ходили по влажной земле. Новенький многозначительно посмотрел на мои кеды, еще недавно белые.

– Вот, ты ее искал, а она здесь, – вредным голосом протянула Лена. – Знакомься, Гульшат, это Мерген!

Глава третья

Разговор с кошкой

Тра-бах-дух!

Я вздрогнула. Гроза подобралась незаметно. Дальний край неба на востоке налился фиолетовым и сизым, там изредка мелькали вспышки молний. Поверхность пруда пошла мелкой рябью.

– Привет! – машинально сказала я.

– Привет, – ответил Мерген и даже не поднялся на ноги.

Новенький кого-то напоминал... Точно! У меня же есть троюродный брат с точно такими волосами, как у Мергена. Каштановыми и вьющимися. С ним меня познакомила бабушка, когда мы ездили к ее сестренке Виле в Уфу несколько лет назад. Как же его зовут?

Лена принялась заполнять неловкую паузу болтовней, я слушала ее вполуха. Достала телефон, открыла приложение социальной сети и принялась искать в друзьях внука Виля-абий³. Как назло, в списке его не оказалось. Но я не зря славлюсь шпионскими навыками. Одноклассницы обращаются ко мне, чтобы проверить, есть ли у нового знакомого девушка, или откуда он приехал. Человека можно найти по любой крупице информации, даже если на странице другая фамилия или город, а на аватарке нет фото. Я как научилась это делать, подчистила свой аккаунт на всякий случай. О, вот он! Правда, вырос, без имени-фамилии не узнать. Я быстро отстучала ему сообщение и опустила руку с телефоном. Посмотрела наконец на Лену и Мергена.

– Опять кого-то искала? – Если бы бензопила умела хихикать, то звук получился бы точно такой, как смех Лены. – Она у нас супершпионка, кого хочешь вычислит. Последнее было обращено к Мергену, который смотрел на меня выжидающе. – Достанет кого угодно, хоть из нашего мира, хоть из нижнего. Особенно если «кто угодно» – симпатичный.

Я выразительно посмотрела на Лену и перевела взгляд на Мергена:

– Что ты хотел?

Мерген не успел ответить, телефон в моих руках пиликнул. «Ваших у нас нет. Привет. Давно не списывались! Бабушка, наоборот, к вам поехала вчера».

Сразу стало холодно, и темнеющее небо тут ни при чем. Я до последнего надеялась, что все мои поиски – это так, игра. И скоро бабушка и дедушка вернутся и все объяснят. Бывают же такие совпадения? Задул низкий ветер, шапочки луговой герани заколыхались, по пруду пошли волны. Надо было срочно показать сообщение родителям.

– Мне пора. – Я крутанулась на месте. – Потом. Лена, объясни, где я живу. Пока!

И бросилась бежать. Сначала по переулку до Центральной, налево и потом прямо, прямо. Растрепавшиеся волосы лезли в глаза, коса хлестала по спине, вымазанные кеды скользили по асфальту.

День потемнел, скоро на мою шею упала первая холодная капля. Дома мелькали, собаки лениво провожали взглядами, высунув языки, вот магазин, вот последний перекресток, еще немного. Скоро полоса домов слева оборвалась, здесь начинался спуск к Кандыбулак, а через пару сотен метров справа появился желтый дом с синими ставнями. В боку остро и часто колело, я остановилась у ворот, уперлась руками в коленки, согнулась, чтобы отдышаться. Потом выпрямилась, огляделась. Летняя гроза обычно бывала быстрой и веселой в наших краях. Погремит звонко, прольется ливнем, напитает растения и уползет лениво к горизонту.

³ Абий – теть (башик).

А сейчас у мира вокруг как краски слизнули, яркость притупилась, травы стали ниже, цветы – меньше.

– Мама! Папа! Бабушка туда не поехала! Вилябий сама к нам едет!

– Что? – Мама с трудом оторвалась от статьи, которую редактировала карандашом за столом в кухне.

По ее словам, так было проще выловить ошибки, на экране компьютера они ловко прятались.

– М-м-м, ты уверена? – уточнила мама.

Я от нетерпения запрыгала, показывая телефон:

– Вот! Помните его? Мы ездили когда. Вот, он пишет – их там нет!

Папа снисходительно посмотрел на меня поверх крышки ноутбука. Он сидел в глубине зала, в старом кресле, и видел все, что происходит на кухне.

– Ну, дорогая, они же в своем уме. Не могли они потеряться. Написали, что доехали, отправились на дачу к Виля-апа⁴, но со связью там плохо. Вот-вот все прояснится, я уверен. Давайтеждемся хотя бы вечера!

Ух, эта работа! День-деньской родители могут сидеть за ноутбуками, писать свои диссертации, чертить что-то, работать над научными статьями. С одной стороны, это хорошо, вон у Лены мама такая, что ни шагу ступить не дает, все проверяет, даже дневник личный читает. Лена давно пишет туда только то, что нравится маме.

Тра-ба-бах! И сразу – пш-ш-ш-ш! – за окном ливануло. Я пнула табурет и ойкнула. Мама покачала головой, не отрываясь от своего листа.

– Мы обязательно разберемся, милая. Сегодня – крайний срок... Ой, ты где так испачкалась?

Я вот сдам статью в сборник, и сразу поговорим. Ага?

– Ага! – рывкнула я и выскочила в сени.

Оттуда налево, через коричневую дверь на веранду. Здесь стоял топчан-урындык вдоль дальней стены, старый сервант с моими садиловскими поделками и стол, накрытый клетчатой клеенкой. Мебель помнила еще мамино детство.

Никогда у меня не было размолвок с родителями. Если они оказывались заняты, бабушка и дедушка всегда были рядом. Вся семья гордится тем, как мы отлично уживаемся и не спорим.

– Это все ты, – часто говорит мама бабушке, – спасибо за идеальный микроклимат в доме!

А сейчас климат нарушился, надвигался циклон и ураган в придачу. Я забралась на топчан и хмуро глядела на потоки воды за окнами. Здесь в рамах были щели, и на подоконники вытекали струйки. А потом ка-а-к грохнуло! И еще раз. И молнии залили все белым раз, второй.

А потом зашуршало внутри веранды, я испуганно обернулась. С серванта слетела старая открытка, я еще в садике нарисовала там семью: в центре бабушка, дедушка рядом, потом мама и папа. А еще пес Шарик, замену которому после смерти от старости мы так и не нашли, и тогдашний кот Мыргалей. Открытка упала от порыва сквозняка и залетела под стол. Я спустилась, начала шарить под столом, но, видимо, тонкий лист ускользнул в широкие щели в полу. В царство кур, которые часто днем отдыхали под верандой. Что-то холодное будто тронуло меня, и я поежилась.

Усидеть на месте было невозможно, дома родители, на улице ливень. Я свесила с топчана ногу, покачала ею, задела случайно стол. Он качнулся, и стоящая на нем ваза с ромашками дзынькнула. В ответ ей на подоконнике ожила муха. Принялась биться в стекло и жужжать, как маленький самолет.

⁴ Апа – уважительное обращение к старшим. Тётя, старшая сестра (*баик.*).

Я глубоко вздохнула, перекинула вперед косу и начала пожевывать ее кончик. Потом стянула резинку и переплела волосы. Дождь не утихал. Я бесшумно спустилась на пол, вышла за дверь, потом налево – на крыльцо – и не глядя натянула резиновые шлепки. Три, два, один! Бросилась бегом через двор к дедушкиному дровянику. Носки забрызгало, а воды за шиворот налило, как из ковша. В сухом сумраке дровяника я потеряла шею. Привычный двор был как смазанная акварель, веранда казалась не темно-синей, как обычно, а бледно-голубой. Черемуха справа, накрывающая кроной, словно шатром, четверть двора, вся была в штрихах дождя. Пахло стружкой, клеем и куриным пометом. Некоторые курицы предпочитали высидывать яйца в старом ящике от инструментов в левом углу. А правый угол был прикрыт досками.

Я подошла, сдвинула одну в сторону и скользнула в свое убежище. Здесь, за папиным гаражом, наш участок почти кончался, это была узкая полоска с железной стенкой с одной стороны и высоким забором с другой. Его кусочек, ведущий на улицу, был надежно заколочен. Сверху я натянула старый тент, когда-то служивший баннером у дороги. Если приглядеться, можно было рассмотреть слог «сто», «ия» и «ма» и крупные белые зубы. Реклама стоматологической клиники. Заменой полу служили обрезки фанеры, а еще я выпросила у бабушки старые коврики, столик и кресло на разошедшихся ножках. Оно стояло посередине. Если сидеть на нем прямо, то почти не шатается.

Из-за грозы здесь царила полутьма, и я не сразу разглядела на красном плюше кресла трехцветный бок. Кошка Катя любила отдыхать в моем секретном штабе.

– Они не слушают меня. – Я присела рядом на корточках и погрузила пальцы в мягкую шерсть.

Катя встрепенулась, муркнула, потом сощурилась и начала тарыхтеть, как старый холодильник.

– Они пропали, и древомагия улетучивается. Ты тоже заметила? Черемуха во дворе поникшая, ветки висят... А еще трава желтеет, как в засуху. Но ведь засухи нет?

Катя неопределенно мявкнула.

– А родители, сама знаешь, работа да работа. Под носом у себя ничего не видят! А еще ключ этот и бумажка. Я и не знала, что у бабушки есть тайны от меня! Что за шкатулка Шульгана?

– Я знаю! – был ответ.

Я отшатнулась, врезалась спиной в железный бок гаража и не сразу разглядела карие глаза в щели забора, со стороны улицы.

– Черт, ты псих, что ли?!

– Ты же сама сказала девчонке этой мне дом свой показать! Я хотел через ворота, потом услышал тебя!

Потоки воды не стихали, и удовольствия это Мергену, похоже, не доставляло. Ему приходилось говорить громко, чтобы я услышала:

– Впусти меня в эту свою каморку. Я тоже считаю, что творится неладное! Могу помочь!

Я прикусила губу. Кроме Кати, я никого сюда не приглашала. С другой стороны, Мерген первый, кто принял мои тревоги всерьез.

– Откуда мне знать, что ты не врешь?

Мерген зашуршал чем-то, потом просунул пальцы в щель забора. Я прищурилась, чтобы разглядеть. Нашупала в кармане найденный сегодня ключ. Орнамент на медальоне Мергена был точь-в-точь как узор на головке этого ключика.

Глава четвертая

Ночное приключение

Я старалась не думать о том, что будет, если родители увидят Мергена. Оставалось надеяться, что нестихающий ливень удержит их от появления на крыльце. Новый знакомый тем временем осторожно и быстро вошел в скрипящие ворота, опустил на место задвижку. Я помашила его из дровяника, Мерген забежал внутрь и впечатался макушкой в низкую притолоку. Зашипел, как кошка.

С него текло, вместо обычного щегольского вида – потерянность. Еще недавно я с ума бы сошла от смущения, если бы в мой штаб пришел кто-то вроде Мергена. Взрослый, умный и симпатичный. Он не гоготал, как одноклассники, над дурацкими шутками, а еще был такой высокий, что мне пришлось поднять голову, чтобы взглянуть ему в глаза. Мерген отвел их, сжал губы.

– Проходи. – Я отодвинула доску в углу и сама пролезла внутрь.

Катя подозрительно посмотрела на гостя, но с места не сдвинулась. Прикрыла нос кончиком хвоста – и дальше спать. Мне впервые пришло в голову, что я не знаю, откуда приехал Мерген. Девочки просили, чтобы я применила свои суперспособности ищейки, я все собиралась, собиралась...

– Слушай, а ты откуда приехал?

Мерген замялся:

– Издалека. Я тут временно, поселился у тетки, нужно кое-что решить. Я видел, что ты тоже сегодня ходила *туда*, в эту комнату с пианино.

Отпираться было глупо, я кивнула:

– И хотела бы знать, что делал там ты.

Мерген провел рукой по волосам так, что потекли струйки воды, огляделся.

– Искал информацию. Или предмет с таким же узором, как тут. – Мерген снова достал медальон. – Ты не видела?

Я покачала головой, откровенничать было рано.

– А что это за узор на твоём медальоне?

– Дедушкин... У него на личных вещах всюду такой, вроде герба. – Мерген помедлил. – Мне нужно спасти бабушку.

– И мне! И бабушку тоже. Мама с папой не верят, думают, все в порядке. Но я чувствую! А сегодня еще эта бумажка странная. Я ходила туда, чтобы посмотреть объявление. Понимаешь, экокружок их к конференции готовится давным-давно, а она уже скоро, и не могли они просто так уехать!

– Что за бумажка? – Мергена не так просто было сбить с толку.

– Я ее случайно нашла. Там три слова, а на оборотной стороне – «защитники». А внизу...

– Шкатулка Шульгана? – Карие глаза Мергена смотрели в упор, не мигая.

Рот у него приоткрылся, и я увидела частокол мелких острых зубов. Аж дыхание перехватило. Мерген заметил, как мои глаза расширились, сжал губы.

– Откуда ты знаешь? – Я едва смогла проглотить комок испуга.

На всякий случай отодвинулась подальше, упершись спиной в кресло. В конце концов, в штабе сейчас было сумрачно, барабанная дробь капель и не думала стихать, и на фоне этого шума и переживаний даже мысли путались. Так что про зубы, наверное, показалось, так глупо!

– Без этой шкатулки мне деда не спасти, я приехал сюда из-за нее.

– А почему именно сюда? – Мои брови удивленно поползли вверх.

Конечно, Имангулово – уютная деревня, древо-магия тут процветает, но кроме этого – ничего особенного. Никаких замков, секретных организаций, таинственных подвалов...

– Этот адрес был в записной книжке дедушки. Я увидел, когда... Ну, в общем, я в его кабинет проник.

– А дедушка не был против?

– Не знаю. – Мерген отвел глаза. – Он лежит. Почти не приходит в себя. Ничего не помогает. А в его записной книжке про шкатулку Шульгана написано было, и адрес... А про шкатулку разные слухи ходят, что она может исцелить кого угодно.

– Адрес чего? – заморгала я.

– Ваш адрес. Имангулово, 118, и всё. Без названия улицы, я вообще долго искал сначала Имангулово в... Ну, у себя...

– Имангулово, Центральная, 118 – это наш дом. Откуда твой дедушка о нем знает?

Мерген развел руками, мол, без понятия. Потом сел по-турецки на пол и ответил:

– Я хотел поговорить с твоей бабушкой, но не успел, она уехала. И я увидел на стенде в школе, что она на пенсии и руководит экокружком.

– Обществом охраны лесов, – автоматически поправила я.

– Ну да. – Мерген вздохнул. – Узнал, где они собираются, и влез через окно. Но ничего не нашел. А ты?

Я неопределенно помахала рукой в воздухе, все еще не зная, можно ли ему доверять:

– Поговорю еще раз с родителями. Надо найти бабушку и все у нее разузнать. Уверена, она поможет. Она всем помогает. Мама и папа обещали вечером обсудить это. Я напишу позже. Диктуй свой номер.

Я вытянула из заднего кармана джинсов смартфон. Мерген моргал.

– Ну, телефон свой продиктуй. – Я помахала черным экраном.

– А, у меня такого нет.

– Не может быть, – поразила я.

Да, прозвучало бестактно. Мерген живет у тети, может, ему некому купить телефон? Тем более дед болеет, а про родителей он ничего не говорил. Кап! И снова кап! Я с трудом сдержала улыбку, надо же было тенту порваться над самой макушкой Мергена.

Капелька стекла по его щеке, и он автоматически слизнул ее.

Вот черт! Вот тут я уже отчаянно начала мечтать, чтобы мне показалось, что... Ну ладно. Я выпроводила Мергена и поспешила домой. Про разговор в штабе родителям я, конечно, ничего не сказала. Пока они, как обычно, сидели, уткнувшись в ноутбуки, пожарила картошку (чуть не сожгла лук). Нарезала сыра, достала из холодильника помидоры. Родители ели и чавкали от удовольствия, привыкли, что готовит бабушка, и успели проголодаться. Я села на место у самовара, аккуратно выставила чашки с блюдами. На кухне горел свет, и его блеск отражался в узорах на фарфоре. Дождь стихал, но тучи не торопились рассеиваться.

– Ну? – строго спросила я.

Родители подняли головы.

– Мы едем искать бабушку и дедушку?

Никогда до этой поры я не орала на родителей. Честно. Пока не услышала:

– Давай дождемся утра.

– **ВЫ ЧТО, НЕ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО ОНИ ПРОПАЛИ?! СКОЛЬКО МОЖНО ЖДАТЬ?!**

Мама нахмурилась, папа вскочил, засуетился.

– Дочка, может, чаек успокаивающий?

А мама встала:

– Я понимаю, что подростковый возраст – это непросто. Но, знаешь ли, моя мама – взрослый человек. И папа тоже. Они не обязаны озвучивать каждый свой шаг. И вообще, ты не думала, что им просто захотелось отдохнуть?

Ее слова поразили меня, я сдулась, как шарик, опустила плечи:

– Зачем отдохнуть? – Голос мой осип.

Мама вздохнула, села на табурет:

– Они ведь отдельные от нас люди, у них всегда была своя жизнь. Школа, конференции, они по всему Союзу на них летали. Не всегда были только бабушкой и дедушкой. Мама давно говорила, что хочет съездить к сестре, развеяться. Дадим им хотя бы сутки на отдых от нас? А потом я позвоню тете Анисе, дочке Виля-апа!

Я молча встала из-за стола, пошла к двери. Оглянулась на родителей, чтобы улыбнуться им, – мол, все в порядке, больше никакого подросткового бунта. И пошла обратно в штаб. Нужно было крепко обдумать все и понять, почему сообщения в мессенджере не вызывают доверия. А еще я вспомнила странную фразу бабушки: «А если нужно будет, то подсказка между синим и фиолетовым!»

Бабушка любит сказки и тайны, но сама загадками не говорит. К чему было непонятное про синий и фиолетовый? Если только... Если только она не хотела, чтобы шифр разгадала лишь я! Что у нас дома есть таких цветов? Мамины платья? Бабушкины платки? Дедушкина клумба?

Я снова прошла в дровяник, отодвинула в глубине доску и залезла в свой штаб. Кати уже не было. Вот тут, в углу, сидел Мерген еще час назад. Мы договорились встретиться позже. Про ключ я ему рассказывать пока не хотела, а бабушкину загадку так и не разгадала.

В штабе было сумрачно, день потихоньку катился к вечеру, и тент над головой почти не пропускал света. Соседи выпустили подросших гусят в загон прямо за стеной моего штаба. Я слышала приглушенный гогот и шорох крыльев. Вот бы мне такие, нет, покрепче, и быстренько слетать туда, куда уехала бабушка. По воздуху это раз-два, а вот по трассе, по горным серпантинам, часов пять, не меньше. Каждый раз такая усталость после. А еще в животе нарастает комок тошноты, от него только конфетки круглые помогают – мон-пан-сье. Круглые и яркие. Я зажмурилась, а перед глазами поплыли цветные пятна. И тут – оп! – на крючок памяти попало еще одно воспоминание. Что-то я раскладывала по цветам с бабушкой. Ох, лишь бы мысль не улетучилась, так бывает, если слишком сильно пытаешься вспомнить сон. Я встала и, нащупывая руками стены, начала ходить взад и вперед, вызывая образы цветов в ярких, ярких... обложках!

– Да! – прозвучал в тишине мой голос, и гуси за стенкой заволновались.

Вспомнила! Совсем недавно бабушка ходила со мной в школу, ее подруга-библиотекарь попросила помочь со стендом. И мы раскладывали книжки под узкой полоской ватмана, на котором я гуашью вывела: «С чего начинались сказки...»

Там точно были разноцветные обложки и точно синяя и фиолетовая, потому что я пыталась расставить всё по цветам радуги, но бабушка тут и там меняла книжки местами. Осталось вспомнить, какие именно. Я зажмурилась снова, но куда там! Мысли начали мешаться, и я уже не могла понять, где воспоминание, а где придумка. В любом случае надо проверить. Ведь это первая стбязая зацепка! Пойти одной или?.. Я вспомнила тощего, высокого Мергена и засомневалась. Он такой странный. С другой стороны, родители отказываются беспокоиться, а кому мне еще сказать? Ленке? Ха! Хотя если она узнает, что идет Мерген, то, конечно, сорвется. Но тут, я чувствовала, нужно помалкивать.

Я проверила зарядку телефона, оглядела себя. Да я все еще в заляпаннных джинсах! Пришлось идти переодеваться, а заодно сказать маме с папой, что я иду гулять. Куда – уточнять не стала, никак не могла перестать сердиться на них. Я вышла на крыльцо, подумала и прихватила бабушкину авоську, висевшую на гвоздике, – вдруг придется брать книги. Если успею, ведь до закрытия всего двадцать минут! С трудом нашла на обувной полке на крылечке старые кроссовки, чуть не порвала шнурки, пока затягивала их, и рванула к калитке. Вспомнила, что завтра суббота и библиотека в выходные не работает. А ждать еще два дня я точно не выдержу!

С соседней улицы слышались крики и смех, видимо, снова начали играть в Селёдкину дачу. Пахло свежо и вкусно, как бывает после долгого летнего ливня. Вдоль реки серыми и белыми стайками брели гуси. На склонах Исмагил-тау пестрели точки: поменьше – овцы и покрупнее – табун лошадей. Пейзаж прыгал вверх-вниз, в такт моим быстрым шагам, коса била по спине. Домики, палисадники, поворот, улица, улица, а вот и школа. На парковке перед калиткой стояла пара машин, значит, шанс застать библиотекаря на месте есть. Я зашагала быстрее, хотя в боку уже начало колоть, а дышать стало труднее. Потянула на себя створку калитки-вертушки и затопала по асфальтовой дорожке. На клумбах справа и слева возились хмурые пятиклассники, после дождя ковыряются в земле – это бр-р-р! Тем более вечером, в это время отработывали должники.

Из окон школы тянуло краской: летом в кабинетах всегда ремонт. Боковым зрением заметила движение – от стены школы отделилась фигура. Мер-ген успел переодеться, снова во все черное. На этот раз вместо байкеров он натянул короткие сапожки с фигурным вырезом на голенище. Ох, лучше ему не встречать Инфузию Гусеевну в них! Я шагнула на крыльцо, не глядя вперед, и врезалась в худенькую фигуру. Инфузия отлетела от меня, а я затаила дыхание, когда в нос мне хлынул мощный запах духов. Никаких ноток различить было нельзя, аромат просто сбивал с ног.

– А, Гульшат, – ледяным голосом пропела психологиня и сразу достала из кармана яркосинего пиджака пудреницу. – Зачем пожаловала?

Пуф-пуф – и в нос мне ударила щекотка, я снова перестала дышать, но не удержалась от громоподобного чиха. Это у меня семейное, в папу, что поделать. А-а-АП-ЧХИ-А! Инфузию Гусеевну будто порывом ветра отнесло, она втянула голову в плечи, посмотрела на меня и, ничего не говоря, развернулась и – цок-цок – убежала внутрь школы. Мы переглянулись с подошедшим Мергеном, покачали головами, и я быстро нагнулась к его уху (удобно это было делать со ступенек, не надо на цыпочки вставать):

– Возможно, я нашла подсказку, надо только в библиотеку попасть.

Мерген кивнул и прошел за мной в коричневые двустворчатые двери. За ними был маленький коридор, прямо – столик вахтера и рамка металлодетектора, шнур от которой сейчас понуро лежал на полу.

Во время учебы приходилось прикладывать к считывателю пропуск. Мы свернули налево, подошли к двери библиотеки. О, створка приоткрыта, ура! Я ускорила шаг, Мерген шел за мной тихо, как кот, я взялась за ручку, и... На меня снова выскочила Инфузия Гусеевна. Она смотрела, как прошлым летом, когда не знала, кто именно облил ее водой на участке. На самом деле шланг вырвался из рук Артура, но ни один нормальный человек его не выдал бы. Инфузия Гусеевна зашипела тогда (я сразу вспомнила Гингему из любимой детской книжки), убежала в школу, а вышла оттуда еще белее, чем обычно. Пудра лежала на ее лице, как штукатурка, а сама Инфузия визжала так, что ух! Громче и дольше, чем обычно. С одноклассниками мы потом решили, что оно того стоило. Заподозрила она, конечно, как всегда, меня. Но я тогда сделала ангельское лицо и сейчас постаралась. От желанного стенда меня отделяла всего пара метров.

– Закрыто! – провизжала Инфузия Гусеевна и захлопнула за спиной дверь. – Новые учебники пришли, их вносят в картотеку!

– Нам только на минутку! Мы даже брать ничего не будем!

Зря я сказала «нам»: Инфузия Гусеевна подозрительно оглядела Мергена, потом сморщила нос и покачала головой. Все знали – она терпеть не может приезжих.

– Да мы посмотрим и уйдем! – начала сердиться я.

Но Инфузия не смотрела на меня, она задумчиво изучала Мергена, задержала взгляд на его сапожках. Потом дернула головой, фыркнула. Сложила руки на груди и встала в дверях

библиотеки, как статуя! Вот что она все лето торчит в школе?! Других учителей сюда летом не заманишь без особого повода...

– Времени мало, – услышала я за спиной.

Там шли две женщины с ведрами краски и малярными кистями.

– Надо спортзал докрасить, – сказала одна из них, – иначе не успеем. Ляле Имамовне привет!

Это уже мне – так зовут бабушку. Ее до сих пор помнят и любят в школе, потому что бабушка добрая, не то что...

Инфузия Гусеевна затряслась мелко-мелко. С бабушкой она всегда говорила тоненьким-тоненьким голосом, улыбалась уголками губ, даже меня хвалила, бр-р! Но за глаза крепко завидовала ей. А еще бабушка вела экокружок и спасала растения, этого Инфузия Гусеевна ей не простила. Теперь она не могла приближаться к деревьям, для нее это было хуже, чем пудреницу свою потерять, хотя, когда это случилось, она всю школу на уши поставила.

Я встретила с ней глазами, задрала подбородок и молча, не прощаясь, пошла на выход. Чувствовала спиной, как она буравит меня глазками. Я еще в первом классе поняла, что пытаться ей понравиться бесполезно. Впрочем, это ее право – думать обо мне что хочется, но мешать найти бабушку я ей не позволю!

Поэтому мне понравилась мысль, что Инфузия Гусеевна не оставила выбора. Мерген горячо поддержал мою идею, он вообще торопился так, будто мои бабушка и дедушка по-настоящему оказались в опасности.

– Меня, наверное, по всему Канзаферу ищут! – обеспокоенно сказал он.

– Это так твой город называется? – Я искоса глянула на Мергена.

Мы шагали к парку в стороне от школы. Внутри ровными рядами росли ели, много-много, вокруг был забор из жердей, а вдоль дорожек тут и там стояли скамейки. Наконец мы могли поговорить в относительной тишине, не привлекая внимания. Про Канзафер Мерген не ответил (я решила потом поискать город в Интернете), зато уверенно начал излагать план проникновения в библиотеку:

– Я видел дверь, оттуда завхоз выходит, там сигнализации нет. Точнее, отключают ее. И рядом окно, я его открою, но плотно прижму чем-нибудь. Это что? Авоська? Авоська... Хм, подойдет! И если повезет и никто не заметит, мы сможем попасть внутрь.

– Сядем? – Я указала на первую попавшуюся скамейку.

Мерген кивнул, сел, не замолкая ни на минуту. Каждый шаг ему надо было описать, вот это, как там его, дотошность. В конце концов я устала, поднялась, чтобы растереть ноги. Почувствовала, как под ними мягко запружинил настил из хвои, с соседней ели дерзко кричала ворона. Мерген посмотрел на нее, и птица замолкла.

– Ты все поняла? – Мерген поднялся и стряхнул с черных джинсов налипшие хвоинки.

Я кивнула и тут же забыла все детали, так у меня работает голова: если стараюсь удержать что-то в памяти, то не вспомню в нужный момент ни за что. Что ж, главное – сразу после полуночи прийти вот сюда, в парк, к этой же скамейке. И совсем это не страшно, особенно если не думать о всяких привидениях, о которых Лена любит рассказывать. Не думать о привидениях, не думать о привидениях. Ох!..

Именно они и начали мне чудиться, едва я приоткрыла створку окна в своей спальне через несколько часов. Спальня родителей была в другом конце дома, там мама храпит так, что в серванте дзынькает, а папа спит, как будто целый день вагоны разгружал. Говорит, когда я родилась, у него такая сверхспособность появилась. Чуть что и на боковую – брык!

А вот у меня сна ни в одном глазу. От волнения меня время от времени била дрожь. Или, может, это вечерним сквозняком тянуло в форточку? А когда я надела джинсы, чуть не расшибив пальцы левой ноги о тумбочку, и выглянула в сад, сразу так спать захотелось! Лишь бы вон те белые тени от меня подальше были, желательно до утра.

Кроссовки я заранее спрятала под рябиной, рядом со своим окошком. Нашупала под подушкой телефон, засунула его поглубже в карман, пригладила волосы и вздохнула. Хотела тихо, а вышел чуть ли не всхлип.

Свет фонаря у дома соседей, проникающий в комнату, едва выхватывал из плотного сумрака предметы вокруг. На книжной полке напротив моего дивана поблескивали рамки фотографий. На самой большой – мы с бабушкой. Я вспомнила ее лицо, почти черные волосы, мягкие морщинистые руки (мои ладони – точь-в-точь, как будто скопированы), и страх отступил. Настолько, чтобы открыть окно, сесть на подоконник и соскользнуть вниз, к фундаменту.

От реки тянуло сыростью и тиной, остро пахло чубушником и смородиной. Я замерла, прижавшись к стене дома. Секунда, другая, третья. Фух! Когда я вернусь, родители все еще будут спать, мне ведь только в библиотеку сбегать. При мысли об этом я нервно хихикнула, прижала ладонь к губам. Носки тут же отяжелели от ночной росы, пришлось натягивать кроссовки прямо так. Потом пробираться через картофельный огород, перелезть через забор и быстрым шагом идти к парку.

Ели стояли зубчатой черной стеной. Надеюсь, Мерген не опоздает, не хочется оказаться в этой темноте одной. Сверчки стрекотали оглушительно, попискивали птицы. Пока я шла мимо соседей, услышала, как сонно заклохотали куры, рядом лениво гавкнула собака и еще одна. На улице не было ни души. Я так думала. Поэтому, когда над ухом кто-то громко вздохнул, окаменела.

– Айгуль? – только и услышала я.

И как бросилась бежать! Пейзаж слился в сплошную линию, земля гулко и больно отдавалась в пятках, коса металась из стороны в сторону. Я вбежала в калитку парка и почти на ощупь кинулась в правую сторону, к нужной скамейке. Пару раз споткнулась, чуть не полетела на землю, а потом врзалась в живое!

– А-а-а-а! – завизжала я и замахала кулаками.

– Ты что, совсем?! – Мерген схватил меня за плечи, встряхнул.

– А-а-а-а... – Я обмякла, ноги у меня подкосились, а наружу полез глупый тонкий смех. Мерген долго стоял молча, потом сказал:

– Я не подумал, надо было встретить тебя. Ты ведь... Тебе сколько сейчас?

Вопрос тут же привел в чувство, не хватало, чтобы меня считали салагой!

– Тринадцать! – громко ответила я.

Дальше было нестрашно. До той поры, пока мы крадучись не пробрались в школьный сад. Обогнули здание и осторожно подошли к задней двери. Мерген прислушался, протянув ладонь, потом кивнул. Подошел к окну и крепким, точным ударом распахнул створку внутрь.

– Вау, – сказала я шепотом.

Мерген оглянулся на меня, прижал палец к губам. Стыдно, но ему пришлось меня подсаживать, да еще и внутрь я ввалилась, как мешок с картошкой. Надо будет в новом учебном году поднажать на физкультуре. Мерген перемахнул через подоконник одним бесшумным прыжком.

Громко тикали часы, где-то гудели трубы. Ночью школа казалась незнакомой, мне пришлось постоять и подумать, как правильно добраться до библиотеки. А перед этим на стойке вахтера, под стеклянным колпаком отыскать ключи. Все происходило как во сне, быстро и страшно, в уши будто ваты напихали, а голова гудела. Я дрожащими руками открыла дверь, и мы с Мергеном быстро зашли в библиотеку. Огляделись. Жалюзи были закрыты, и мне пришлось достать телефон и включить фонарик, чтобы подсветить нужный стенд. Между «Башкирскими сказками» в синей обложке и «Историей края» в фиолетовой зеленела тоненькая книжка. Только потянулась к ней и обмерла. Из коридора послышалось долгое скри-и-и-п... А потом цок-цок-цок... Даже в плотном сумраке было видно, какими большими стали глаза

Мергена. Он схватил книжицу. Запихнул ее в карман. Шагнул к двери, чтобы выглянуть, но тут же отпрянул.

Снаружи кто-то был! Окна в школе заменили на пластиковые только в прошлом году, а до этого тут стояли допотопные деревянные рамы, еще и двойные. У пластиковых ручка поворачивалась бесшумно, нас это и спасло. Никогда прежде, честное слово, я так быстро не прыгала и не бегала. Помню, что ушибла руку, потом отбила пятки об асфальт, услышала, как приземлился позади Мерген, и мы бросились бежать. Вслед кричали, но мы даже не разобрали, что именно, свет в библиотеке включился, когда мы уже добрались до забора. В окне увидели знакомую фигурку с узнаваемой прической. Да что она, библиотеку охранять осталась, что ли?!

Убегать решили дальними улицами, чтобы запутать следы. Вслед лаяли собаки, удивленно оглядывались парочки. Пить хотелось нестерпимо, и мы остановились в переулке, где Мерген лег на тяжелый рычаг колонки, а я с удовольствием подставила ладони под мощную струю колодезной воды. Умылась, напилась. Утерла рот и засмеялась. Сейчас все казалось приключением, ведь нам удалось сбежать. А Инфузия даже в засаде не смогла нас остановить! Я всегда знала, что она странная: днем торчит в школе, теперь еще и ночью... Неужели она там после нашего вечернего визита засела?

– Покажи книжку. – Я все еще тяжело дышала после бега.

Мерген достал ее из кармана, и в свете фонаря мы прочли: «Урал-батыр». Я знаю этот эпос, мы проходили краткое содержание в пятом классе, там про то, как мир появился, какие в древности были войны, и все такое. Про первых людей Йанбике и Йанбирде, их сыновей Урала и Шульгана. Первый выбрал светлую сторону, пожертвовал собой, чтобы спасти мир вокруг, а Шульган бежал в подземный мир с чудищами. Я хотела рассказать об этом Мергену, но он покачал головой, и я поняла, что он тоже знает эпос. Мерген водил пальцами по страницам, и я увидела, что книга испещрена карандашными черточками. А еще кое-где мелькали записи, и почерк показался мне ужасно знакомым. Мы сидели на скамейке битый час, но так и не смогли разгадать шифр.

Глава пятая

Это невозможно

Лезть в окно оказалось непросто. У горизонта вдоль далеких гор на востоке бледнела оранжевая полоска. Во дворах тяжело хлопали крыльями петухи, вот-вот начнут кричать и могут разбудить папу и маму. А я пыхтела и пыхтела, сначала не получалось ногу закинуть, потом руки от усталости никак не хотели подтягиваться. Это только кажется, что невысоко, а если еще и шуметь нельзя, так вообще – как на полосе препятствий. В итоге я завалилась внутрь, ободрав локти. Быстро скинула джинсы, футболку, натянула пижаму, что валялась у дивана, и нырнула под одеяло. Дышала как можно тише, но мне все не хватало воздуха, я втягивала его судорожно и терла друг о дружку замерзшие ступни под одеялом. Решила убедиться, что мама с папой все еще спят, и изучить книжку, но только я прикрыла веки...

– Гульшат, ну ты же взрослая уже. Кто так одежду разбрасывает? – услышала я.

Мама стояла посреди моей спальни и подбирала с пола вещи. Хорошо, что я догадалась запахнуть кроссовки под диван! Комната была залита светом, с улицы доносились звуки лета: мычали вдалеке коровы (это похоже на виброзвонок на телефоне, я иногда попадаюсь), где-то гудел триммер, невнятно бормотало радио во дворе у соседа. Я чувствовала, как надо всем этим плывет обычная древомагия, обволакивающая и защищающая. Но ее полотно тут же продырявилось, зажужжало осой, ворвавшейся в форточку. Мама испуганно замахала руками, выбежала из комнаты. Вернулась с мухобойкой, но к тому времени полосатая гостья уже была такова. Я нахмурилась, села на диване, убрав со лба растрепавшиеся волосы. Осы, пчелы, шершни облетали дома стороной, для этого в экокружке разучивали каждый год новое заклинание древомагии (насекомые привыкали к старому как раз за одно лето). Так же, как колорадские жуки и гусеницы, которые объедали яблони в округе. Я вспомнила про книжку, нащупала ее под подушкой. Мама сразу заметила.

– Любовная записка? – хмыкнула она.

Я нахмурилась: что за детский сад. А потом вспомнила, как Инфузия Гусеевна застучала нас. Ох, если она хотя бы кончик косы моей видела, примчится к родителям, как только встанет.

– Бабушка звонила? – Я спросила это равнодушным голосом, но на самом деле внутри меня все натянулось, как струнка.

– Писала. Связь там плохая, они ходят на какую-то горку, чтобы сеть ловить. Вот ведь!

Я вскочила:

– Что? Что она написала?!

Мама удивленно посмотрела на меня:

– Ничего особенного, сообщила, что все хорошо, пробудут еще несколько дней.

– И?.. – Я встала на цыпочки.

– И ничего. – Мама сложила мои джинсы, футболку на тумбочку и вышла из комнаты.

Во мне как будто свет выключили, стало пусто, как в пыльной старой кладовке. Бабушка написала и не передала мне привет? Ни словечка?

Папа не успел толком встать, а у них в комнате уже жужжал принтер. Интересно, я найду потом работу, которую буду любить так же?

– Ох, дорогая, гляди, – услышала я расстроенный папин голос, – принтер жует бумагу, как крокодил!

Я подошла к зеркалу, висящему между книжными полками и дверью. Критически оглядела себя, все на месте: коса длинная толстая, я – ровно наоборот. Вот бы не такой тощей быть! Но все это пока не важно, важно то, что принтер в нашем доме не ломался никогда, у бабушки

был для этого отдельный заговор. Мамам и папам некогда сочинять такое, им работать надо и нас, детей, воспитывать. Поэтому надежда только на бабушек и дедушек. Я впервые подумала, что мама тоже станет когда-то бабушкой, смешно. Еще смешнее думать, что мамой ее внуков буду я. Неужели я тогда всю древомагию позабуду? Конечно нет.

Я оделась быстро (удобно, когда в шкафу джинсы, джинсовые шорты и для праздников – джинсовый сарафан), переплела косу. Рука потянулась к розовой шкатулке на полочке перед зеркалом. Я не глядя начала выуживать и цеплять на голову длинные неоновые невидимки. Могу же я быть красивой для самой себя?

Родители хлопотали с принтером, я пила чай одна (непривычно). Намазала кусок бабушкиного хлеба маслом, сверху положила сыр и запивала чаем с молоком и сахаром, вкуснятина! Спрятала в первую попавшуюся книжку эпос, который мы вчера стащили, и читала его, пока родители не видят. Почерк внутри был бабушкин, она отметила карандашом мягко и аккуратно некоторые строки. Например:

Звери эти в гневе большом
Когда-нибудь в порыве одном
Задумают захватить наш дом, —
Смерть, что лютой злобой полна,
Смерть, что нашим глазам не видна,
Пред нашими не взойдет ли глазами?
Не расправится ли и с нами?

Я поежилась. Вспомнила, как читали эпос на уроках культуры края и там рассказывали про подземный мир, куда ушел жить Шульган, брат Урал-батыра. Шульган решил ступить на дурную дорогу, поэтому стал царем всяких чудищ, про это очень любила рассказывать Инфузия Гусеевна, когда заменяла нашего историка. Она тогда даже пудриться забывала. Эпосу, как говорят, много тысяч лет, может, за это время чудища решили стать хорошими? Так я и спросила однажды и после этого еще две недели выше тройки по предмету не получала.

Когда родители, расстроенные поломкой принтера, подтянулись на кухню, я захлопнула книжку и встала. Ничего не поняла из бабушкиных пометок, придется разбираться с Мергеном. Мы договорились, что он придет после одиннадцати, я для него доску в узкой наружной стене штаба расштала. Так он сможет заходить с улицы. Когда я пробралась туда через дровяник, в кресле уже сидела высокая фигура в черном. Я достала из-за пояса джинсов книжку, аккуратно расправила и протянула Мергену. Под глазами у него лежали темные круги, вид у него был усталый.

– Инфузия устроила допрос. Строил из себя придурка, сколько мог.

– Эм-м, а где она тебя ночью-то встретила?

Мерген не ответил, наклонился над книжкой:

– Смотри. – Он быстро пролистал страницы. – Здесь кружочками обведены некоторые строфы. Ничего не понятно, правда... Первые буквы вразнобой, в слова не складываются.

Я наклонилась ближе и отпрянула. Ворот толстовки Мергена съехал, и кожа под ним была почти зеленой.

– Что? – удивился Мерген.

Увидел выражение моего лица, нервно облизнул губы. И тут я разглядела его язык, тонкий и раздвоенный. Мои ноги рванули раньше, чем успела подумать голова, и, бедная, тут же поплазилась. Я врезалась в поперечную доску штаба затылком так, что искры из глаз пошли. Это здорово добавило злости и уменьшило ужас. Да, это он и был, ощущение, как будто тебя липким облили чем-то, а еще ток пустили по коленкам. Иначе чего они так вибрируют?

Мерген поднял ладони:

– Спокойно, это по-прежнему я, Мерген. Ты бы узнала рано или поздно.

Голос у него был немножко другой, и я поняла, что до этого он почти не разжимал рта при разговоре. Иначе частокол острых зубов становился слишком заметным. Значит, он явился к нам невесть откуда, втерся ко мне в доверие, выведал тайны. Мне стало так противно и стыдно. Я почувствовала, как сморщилось мое лицо, как будто гнилую репу под нос сунули.

– Кто ты?

Мерген удивился:

– Я? Человек. Из Канзафера. Из нижнего мира.

Я нервно закивала, ага-ага. Наш мир не единственный, эпос документальный, а я того...

– Кто-то еще знает про тебя?

Он помедлил:

– Меня Инфузия приютила. Велела никому не говорить.

– Инфузия?! – Меня это поразило больше, чем истинный облик Мергена.

Он кивнул:

– Мне дали ее... контакты. И она согласилась, ненадолго только. Она иногда странно на меня смотрит, убить хочет будто... Особенно после того, как с тобой увидела. Не по себе с ней жить, если честно. Я потому многого не знаю. Даже телефона вашего нет, у нас такие штуки зовут элемтами...

Я медленно попятилась, Мерген снова подался вперед:

– Пожалуйста, не прогоняй меня, кроме тебя я не могу ни с кем поговорить об этом. Дедушка болеет, я думал, твоя бабушка сумеет помочь... Если бы мы нашли хотя бы шкатулку, все решили бы!

– Как зовут твоего дедушку?

Я спросила, хотя уже обо всем догадалась. И поэтому ответ меня не удивил. Полный сюрреализм ситуации спас меня от шока, я будто смотрела на все со стороны. И осознавала, что меня просто использовали в своих целях.

– Уходи, – прошипела я.

Ни минуты не хотела оставаться с внуком того, кто сделал столько плохого. Мерген смотрел печально, даже севшая ему на лоб муха не заставила меня улыбнуться. Он скрыл от меня правду, и я больше не могла с ним разговаривать. Ни минуточки! Муха тяжело поднялась, зажужжала. Мерген вскочил, замахал руками. Тент закачался, бедная муха забилась куда-то. Я иронично (насколько могла, потому что к глазам подступали слезы) смотрела на Мергена. Знакомы мы были всего пару дней, а я так успела привыкнуть, как за всю жизнь к Ленке не привыкла.

– Я думал, это пчела, – виновато сказал Мерген и застыл, не зная куда девать длинные руки-ноги, ссутулился.

Ни словечка не скажу. Да и не могу, разревусь сразу. Еще такого позора не хватало. Глаза у Мергена были такие, что я сразу отвернулась. За спиной скрипнула доска, а когда я повернулась, его уже не было. Перед взором сразу все поплыло, я села прямо на пол, сильно-сильно прижала ладони к лицу, чтобы удержать всхлипы.

Бабушка всегда рассказывала про подземный мир, как про настоящий. Она собирала материалы, писала статьи. Все говорили: «Мастер изучения фольклора», только я подозревала, что бабушка не выдумывала свои истории. Про царя подземного мира – Шульгана, про древних чудищ-дивов. Неужели, это все правда?

Вспомнилось, как с первых дней лета бабушка зачастила в свой экокружок. Они собирались там с пенсионерами и пенсионерками и готовились к конференции. А может, не только? Если их похитили, возможно, бабушка догадывалась, что опасность близко? И если так, что неведомые силы могут сделать с папой и мамой? Мне ведь не дадут жить одной, а если меня

увезут в... Мысль эта пронзила меня таким ужасом, что слезы высохли мгновенно. Я смахнула с футболки паучка, что приземлился на меня, как парашютист.

Во дворе слышались голоса родителей, и я решила изучить эпос и бабушкины пометки на чердаке бани, куда кроме дедушки совсем никто не поднимался. Я вышла из штаба, плотно прикрыв за собой доски, увидела, что мама с папой отправились в огород. Крутанула деревянную задвижку на двери бани и вошла в сумрак. Наощупь по приставной лестнице полезла наверх, там под крышей покачивались березовые веники, лежали какие-то трубы, а еще стояла низенькая покосившаяся табуретка. Раньше бабушка, сидя на ней, доила корову Марту. Свет лился сквозь щели в досках. Я села, качнулась, поймала равновесие. Вздохнула и открыла книжку с эпосом на первой попавшейся странице. Строчки, строчки... Кружочки, подчеркивания. Перед глазами мелькали слова, буквы, и почему-то чаще всего выделялось слово «кровь». Я поежилась, вряд ли это сулило что-то хорошее.

Снаружи скрипнули ворота. Я прильнула к отверстию от гвоздя в шифере и замерла, закаменела! Ярко-синий костюм-двойка и пышные кудри. Гостья смотрела прямо на меня, я невольно завела за спину руку с книжкой и только потом поняла, что видеть Инфузия Гусеевна меня не может. Она постояла, нервно дернула головой и пошла к крыльцу по выложенной плиткой дорожке – цок-цок.

И я вспомнила сразу, как она приходила две недели назад. Все думали, что ко мне, но психолог вызвала бабушку. Поговорила с ней один на один, мама даже дневник мой полезла смотреть, думала, я годовую завалила.

Папа вернулся с огорода с пучком лука в руках, удивленно поздоровался с гостьей. К ним подошла мама и через несколько секунд громко позвала:

– Гульша-а-ат!

А потом пригласила Инфузию войти. Я дождалась, пока они это сделают, прикрыла книгу вениками и спустилась вниз. Перед тем, как зайти домой, я вздохнула, быстро-быстро поморгала, скорчила рожицу, а потом натянула самое беззаботное выражение лица, что могла.

Инфузия Гусеевна уставилась на меня пристально, ее глаза, как буравчики, прошлись по мне с ног до головы.

– Ночью в школу пролезли воры, – ледяным тоном сказала она.

Надо же, когда бабушки нет, психолог стала говорить совсем другим голосом.

– А я тут при чем? За компьютерами влезли? – нахмурилась я.

Мама покачала головой. Папа, стоя за спиной Инфузии, выпучил глаза, показывая мне какие-то знаки.

– А что там еще есть ценного? – Мой голос в этот момент прозвучал правдоподобно.

– Это пока не для всех, – отчеканила Инфузия Гусеевна, – с этим будет разбираться полиция.

Когда наконец-то приедет. А пока я хочу сказать всем и каждому – если есть хоть какая-то информация, ее нужно сразу довести до моего сведения!

– Э-э, ладно, – выдавила я.

Инфузия Гусеевна прищурилась, снова оглядела меня, потом родителей. Задержала взгляд на папе и, не прощаясь, выскочила из дома. Мы переглянулись с родителями, папа рассмеялся:

– Говорит, библиотеку взломали. Да туда днем никого не заманишь, разве детям современным книжки нужны?

– А еще она спросила, ночевала ли ты сегодня дома. – Мама хихикнула.

Я не выдержала и спросила напрямую:

– Почему она всегда такая злая?

Мама рассеянно посмотрела на меня:

– Говорят, она семью потеряла. И сестру с маленьким племянником... Какой-то несчастный случай.

Мне стало стыдно, у меня как будто обогреватель внутри на полную мощность включили: пекло! Могли же раньше сказать, я бы к ней получше относилась... Папа как будто прочитал мои мысли:

– Ну, ты маленькая была раньше, чтобы говорить. Да и личные вещи это, так не расскажешь.

Хорошо, что родители не стали заострять внимание на этом эпизоде, но я встревожилась еще больше. Если бабушкины пометки значат так много, что за книжкой нужно охотиться по всей деревне с раннего утра, следовательно, нужно разобрать их как можно скорее. Телефон у меня в кармане пиликнул, незнакомый номер в мессенджере отправил сообщение: «Это я. Одолжил эту штуку. Вообще-то это про вас в Канзафере рассказывают всякие ужасы. Я подслушал, как ИГ говорила кому-то, что скоро ворота закроются. И что древомагия тает. Когда она исчезнет, то и пройти будет нельзя. Мне кажется, бабушки и дедушки там, внизу, у нас. Иначе, как бы их так надежно спрятали? Да еще и всех разом. Нет, они нашли бы выход, способ послать восточку. Я не знаю, что ИГ хочет с ними сделать, но мне это совсем не нравится. Без твоей бабушки нам не найти шкатулку».

– Кавалеры пишут? – Мама сделала вид, что хочет прочитать сообщение.

Я отдернула руку, прижала телефон к груди. Поскорее вышла на крыльцо, села там в любимое бабушкино кресло. Мысли путались, внутри было тесно от всего разом: страха, вины, опасений, ужаса. А может, мне все показалось? Я от скуки придумала приключение, и бабушка точно у своей сестры? В дверном проеме, которым заканчивалось крыльцо, на фоне ярко-синего неба маячила крыша бани. Я вспомнила о том, *что* спрятано под вениками, и отвела взгляд. Мне ни за что со всем этим не справиться.

Глава шестая

Прыжок в реку

Остаток дня прошел как в тумане. Мама с папой сообщили, что у них начинается отпуск (оба при этом громко вздохнули) и что мы можем куда-нибудь съездить. Раньше я бы обрадовалась, а сейчас предпочту посидеть дома, чтобы не пропустить приезд бабушки и дедушки. Мергену я не ответила, вдруг не он прочитает. Надеюсь, удалить сообщение после отправки он догадался. Мне даже в штаб не хотелось, я съела подгоревшие манты, поскребла тарелки под тонкой струйкой едва теплой воды (без дедушки дом начал сдавать) и закрылась в спальне. Даже шторы задернула, чтобы не вспоминать о ночной вылазке в библиотеку, глядя на окно. Уютно тикали часы, и в этом звуке мне слышалось: «Зачем тебе это все? Ты же просто Гульшат. Тебе тринадцать. Для всего этого есть взрослые, пусть они и разбираются».

Я вспомнила, как родители старались не замечать древомагию, и поняла, что нет, не разберутся. Они придумают миллион причин, почему все нормально, а в конце обратятся в полицию.

Мысли жужжали в голове, не давали покоя. Куда бежать? Кого просить о помощи? Я натянула пижаму в девять вечера и старательно почистила зубы. Потом снова закрылась в спальне, не пожелав родителям спокойной ночи.

Я должна что-то придумать...

Светильник на стене моргал время от времени. В уголках шкафа что-то поскрипывало (когда живешь в доме, которому сто лет, к таким звукам привыкаешь). С закрытой форточкой становилось душно, а если ее распахнуть, в спальне гуляет едкий сквозняк – опять за рекой горят торфяники. Родители все шептались и шептались у себя, звякали чашками, хлопали дверцей холодильника.

Я взяла с изголовья дивана маленькую подушку и легла, прижав ее к уху. И сразу увидела лицо бабушки. Она плыла с дедушкой в какой-то лодке по подземному озеру и читала эпос «Урал-батыр», подсвечивая страницы смартфоном. Кругом капало, кто-то шептал, смеялся. Я дернулась: «Бабушка!» Но меня не услышали, они так и уплыли, а я осталась в темноте. Сон снился мне раз за разом, я просыпалась, переворачивалась с боку на бок. Глядела на фосфорные звездочки на потолке, они мягко мерцали и не давали темноте сомкнуться надо мной. Потом бабушка и дедушка снова плыли по озеру, я звала их и опять оставалась во мраке.

Когда я открыла глаза после очередного витка кошмара, солнце ослепило меня. Мама раздвинула шторы, распахнула форточку.

– Вставай! Сегодня сабантуй. Отличную погоду обещают.

Я поморщилась, села со стоном.

– Что с тобой? – Мама, как обычно, начала собирать мои вещи с пола.

– Кошмар снился. Да еще один и тот же. Бабушка не писала?

Мама покачала головой.

– Не стоило есть манты на ночь, – заметила она и, выходя из спальни, добавила: – плотный ужин всегда приводит к дурным снам.

Конечно, не стоило их есть, но толком готовить из нас никто не умеет, спасают только бабушкины заготовки из большого ларя. Он стоит в углу моей спальни и гудит время от времени, как нестройный хор привидений. Что будем делать, когда манты, вареники и пельмени закончатся? Придется мне жарить картошку на завтрак, обед и ужин. Пока она не захватит наши умы и не начнет руководить нашими действиями и заставлять сажать больше картошки. Пропалывать, окучивать, собирать... Так, всё! Пора вставать. Тем более телефон запиликал. Я взяла лежащий экраном вниз гаджет, прижала его к груди:

пусть это будет бабушка, пожалуйста! Но это было сообщение от Лены: снова сбор в школе.

– У нас каникулы вообще-то! – громко сказала я.

И мама что-то со звоном уронила в кухне.

Злить Инфузию Гусеевну не стоило, пока история с библиотекой не забылась. Придется идти. Я почесала руки, они как-то противно каменели и мерзли. Надеюсь, с сабантуем сбор никак не связан, гулять там весело, а вот если заставят выступать, тогда пиши пропало. Так думала не я одна, когда час спустя мой класс вздохнул у крыльца, на котором, как на сцене, стояла Инфузия Гусеевна.

– Когда так много наших жителей в... хм, отъезде... – Она поперхнулась. – Мы должны поддержать родную администрацию! И обеспечить полную явку на праздник. И мне нужна будет ваша помощь не только в этом. На наш праздник собирается приехать глава района, поэтому мы должны не ударить в грязь лицом! И пусть праздник проходит не где полагается, на площади, у администрации, а в лесу...

Инфузия Гусеевна автоматически нащупала в кармашке пиджака пудреницу и не глядя – пуф-пуф – напудрила нос. Как она выдержит столько времени среди деревьев? Странные бывают люди...

Я подумала, что не зря в этом году все забыли про сабантуй, организовывали-то его обычно наши бабушки и дедушки. Пойти туда без них еще можно, но нас хотели нарядить в костюмы! Национальные!

– Костюмов не так много, к сожалению. – По лицу Инфузии Гусеевны совсем не казалось, что она сожалеет. – Поэтому я лично отберу тех, кто их наденет.

Я выдохнула: мне точно не светит это, можно спокойно пойти в привычных джинсах.

Когда цепкая ладонь Инфузии Гусеевны схватила меня за плечо, я вздрогнула.

– Гульшат, с твоей косой не надеть костюм грех! Сделай только две косички, хорошо? – Голосок был фирменный, мед со сталью. Как будто заставляют его есть, а внутри иголки. Бр-р-р!..

– Ты, ты, ты. – Инфузия Гусеевна отбирала несчастных, кому придется ходить по жаре в плотной одежде.

Там ведь платье, жилетка вся в монетах, кашмау на голове, он плотно обхватывает голову и спускается по спине широкой лентой, тоже в монетках. Я написала маме, что мы поедем сразу от школы. «В костюмах», – добавила я. Мама прислала кучу плачущих от смеха смайликов. На школьном автобусе нас забрали через сорок минут, а до того мы ютились в каморке за спортзалом, где хранился школьный инвентарь и разные штуки для сцены. Я была даже довольна: суэта отвлекла от мыслей о бабушке и книжке, спрятанной на чердаке бани. Едва мы все оделись, я услышала низкий голос:

– Привет.

Девчонки замерли. Потом посмотрели на меня так, будто у меня кожа стала зеленая или фары на лбу выросли. «С. Гульшат. Здороваается. Старшеклассник», – читалось на лицах моих подруг.

– Привет, – буркнула я скомканно и даже не повернулась.

Пусть сам свои дела расхлебывает, острозуб! Змее-язык! Я глупо хихикнула, чем вызвала еще больше внимания. Не удержалась, бросила взгляд на Мергена, он смотрел мрачно и в упор. Ну не читает же он мысли! Мерген едва заметно покачал головой и исчез из дверного проема. По спине пробежали мурашки. Если читает, значит, он в курсе того, как я оценила его в первый день. Вот блин!

Костюм мне попался самый неудобный. Платье было маловато, сатин натягивался на швах, а вот жилет оказался велик. И у меня одной был головной убор, у остальных девочек ленты с монетками. Наверное, хорошо учиться в большой городской школе, где можно зате-

ряться в толпе. И где тебя не таскают постоянно по общественным мероприятиям, потому что вы «одна семья» и все такое. Я покосилась на Лену, которая подтягивала подол платья повыше, и хмыкнула.

В школьном автобусе, как обычно, пахло пылью и бензином. В конце салона под парными сиденьями катался огнетушитель, на окнах отклеивалась тонировка. Я с сожалением проводила взглядом поворот на свою улицу, и мы поехали дальше, по переулку.

Вы когда-нибудь бывали на сабантуях? Это может быть весело, если с тобой семья, друзья и если есть карманные деньги. Там столько всего можно купить! Специально приезжают торговцы с раздвижными столиками, еще продают яблоки в карамели, кукурузу, сосиски в тесте. Украшения ручной работы, деревянное оружие, сумки, игрушки цвета костюмов Инфузии Гусевны. Но главное на сабантуе, конечно, другое. Над бетонной площадкой собирают временную сцену, в лесу ставят юрты, там варят суп и бешбармак. Детям туда хода нет, только самых уважаемых жителей деревни приглашают. Интересно, в этом году там один глава района будет угощаться? В сторонке обычно стоят кони, их готовят к забегу за главный приз – молодого барашка. А еще тут есть высоченный столб, на конце которого разные хорошие призы, – раньше это были сапоги, например, а сейчас мелкую бытовую технику подвешивают.

В этом году на большой поляне сабантуя было пустовато. Потерянно ходили семьи без старших, удивленно переговаривались: «Ваши тоже уехали? Мои в санаторий...»

Нас высадили у пыльной грунтовки, по которой шли пешком или медленно ехали на машинах имангуловцы и гости.

– А что мы должны делать? – капризно спросила Лена.

– Улыбаться. – Инфузия Гусеевна изо всех сил растянула почти сомкнутые губы. – Приветствовать гостей. Участвовать в играх. И далеко не уходить!

Я посмотрела в центр поляны, где натянули веревки с призами, дорожки были размечены столбиками. Ни за что не стану там позориться! Вот разве что из лука пострелять, если никто не будет смотреть. Инфузия пошла к поляне длинным путем, минуя рощу, через поле.

Мы разбрелись кто куда. Одноклассники высматривали родителей, чтобы взять денег, я мысленно прикинула, что куплю, когда появятся мама с папой. Незаметно зашла в лесок за сценой, о чем тут же пожалела. Это было так нелепо, что я даже не смогла сделать сердитое лицо. Мерген скованно стоял у березы: широкие штаны, вышитая рубаха, камзол, как у киношпiona, и пушистая лисья шапка. У такой шапки обычно острый красный кончик на макушке и сзади один или два лисьих хвоста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.